

Революционер с колесной лирой

Россия. — 2002. — 19 июня. — с. 11

Вадим Пересветов

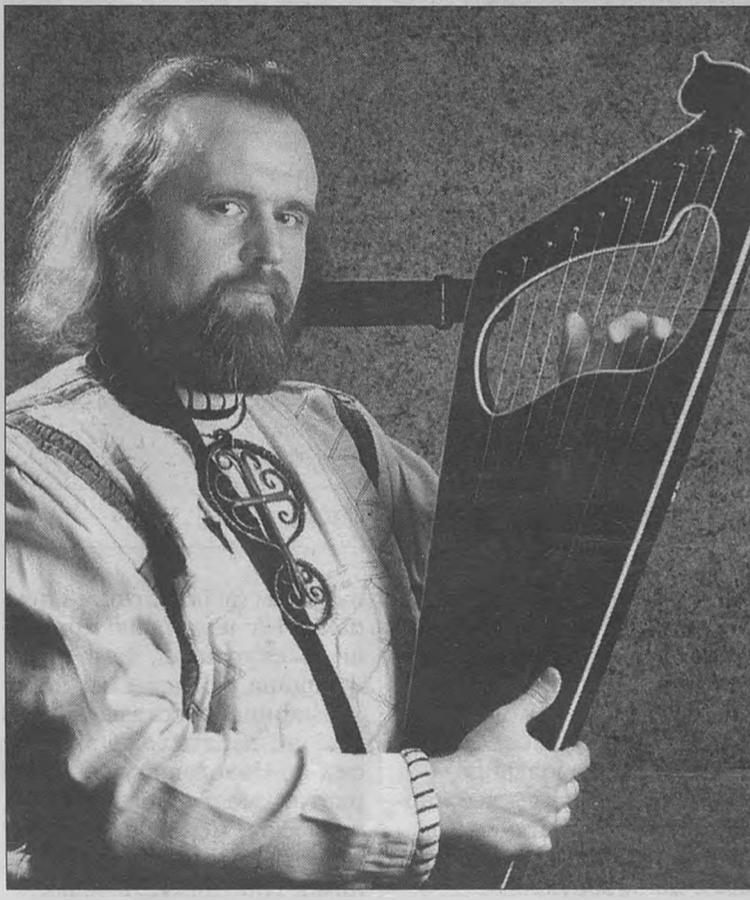
— Зная тебя добрый десяток лет, до сих пор не могу определить жанр, в котором ты работаешь. Вот и в спектакле «И свет во тьме светит» фонда Андрона Кончаловского для театра «Школа современной пьесы» жанр явно не идентифицируется — этакая гремучая смесь школьной драмы и пасторали восемнадцатого века. На сцене — сплошной целлофан, а в оркестровой ямке — твоя дирижерская палочка и барочные уникальные люти.

— Современный композитор обязан знать и уметь все. И оркестром дирижировать, и средневековые табулатуры набирать. Кончаловский спектакль впрямую не ставил — отдал все в руки Ирэне Мацкевич из Минска. Но насчет музыкального стиля — его идея. Получилась забавная творческая провокация. На нее клюнул театральный истеблишмент. Судя по публике в зале и раздраженным откликам в прессе.

— А как же фольклор? Ты же этим занимался почти двадцать лет...

— Этим заниматься никогда не поздно. Только вот результат иногда бывает плачевен. Если бы Александр Юрлов посмотрел последний выпускной диплом созданного им в Москве народного факультета — не будем показывать пальцем какой академии, — он бы его расформировал, предоставив возможность заниматься сольным колхозным пением студентам. Как будто не было и нет ни Покровского, ни Смысловой, ни ранней Бабиной... Для наших музыкальных академиков не существует последних двадцати лет. Имена Маклафина и Гэбриэла, Чаурасия и Бааба Маала, Василия Сидорова и Александра Сулимова им ничего не говорят. Не скажут они ничего и студентам, если все будет по-прежнему. Конечно, наиболее активные учащиеся сами эмпирически пытаются выйти за пределы узкого жанра народной песни. Но таких единицы. И любой ремикс мальчика из подворотни с использованием ворованных этнических мелодий на домашнем компьютере долго еще будет восприниматься в отечестве как медиаоткровение. Вот такой совхоз. А ты говоришь — фольклор...

Борис Базуров — пожалуй, единственный сегодня в России композитор и исполнитель, сочетающий в своем творчестве принципы средневековой русской музыки и все богатство современной технологии звука. Отзвуки традиций русского большого знаменного распева, казацкого былинного стиха создают то, что отличает его произведения от образчиков, потребительски использующих старинные тексты как материал для переаранжировки в стиле new. Кстати, в его руках виртуозно звучат брянская колесная лира и донской рылей, новгородские арфавая и смычковая псалтирь, псковский гудок и владимирский рожок, губной варган и обыкновенная коса.

Мы уже в том возрасте, когда человек начинает чувствовать ответственность за своих детей и страну их проживания. Если коротко — искренне надеюсь, что подлинные национальные интересы возобладают над понятиями обогатившейся шпаны, корыстью кланов и владельцев финансовых потоков от культуры. Для новых Дягилевых и Морозовых слова «честь и совесть» вновь приобретут смысл

— Одно время твою фамилию специально коверкали в прессе, вместо авторства на театральных афишах писали «музыкальное оформление», а теперь вот называют новым Свиридовым. Как тебе это?

— Это лестное преувеличение. Георгий Васильевич до сих пор являет пример беззаветного и честного служения Отечеству. Одна «Патетическая оратория» стоит десятка симфоний, написанных советскими восьмидесятниками. По

эмоциональному накалу она даже выше, чем аналогичные произведения Шостаковича и Прокофьева. Мне кажется, сравнивать мои опыты с музыкой русского гения, у которого на Родине еще нет даже по-смертно напечатанного полного собрания сочинений, некорректно.

— Каково, по твоему мнению, состояние нашей серьезной музыки?

— Пока общество потребляет музыкальные продукты не первой и не второй свежести, нам всем нечем

гордиться. На Западе и у нас до сих пор серьезно востребованы имена, продолжающие традиции постсоветской музыки в ее авангардно-энтропийном виде. В основном это музыка композиторов, так и не ставших диссидентами, но успевших вовремя уехать. Они должны быть глубоко благодарны эпохе застоя, когда любой филармонический несанкционированный «пук из-за угла» воспринимался как политическое покушение на хренниковские устои. И приветствовался за буграми. Для Запада это была «подлинная свежесть» и политическая альтернатива молодежно-демократическому революционному прорыву на джазовых и рок-фронтах.

— Боюсь навлечь на себя гнев музыкальной элиты, но подлинными героями тех лет являются все-таки поляки Лютославский и Пендеревский. Наши же эпитоны напоминают в данном случае пигмеев, дорвавшихся до англо-американского электронного музыкального словаря и аккордеона Пьяцоллы.

— Кто же тогда, по-твоему, пользуется непрерываемым авторитетом?

— Те исполнители, которые следуют по пути подлинной русской классики, ибо Шостакович, Прокофьев и Стравинский во многом определили ход музыкальной истории всего двадцатого века. Не говоря о Мусоргском и Чайковском. Особое место есть у Родиона Щедрина. Про Валерия Гергиева же сказано столько, что мое мнение ничего не прибавит. И не умалит.

Мы уже в том возрасте, когда человек начинает чувствовать ответственность за своих детей и страну их проживания. Если коротко — искренне надеюсь, что подлинные национальные интересы возобладают над понятиями обогатившейся шпаны, корыстью кланов и владельцев финансовых потоков от культуры. Для новых Дягилевых и Морозовых слова «честь и совесть» вновь приобретут смысл. А государство начнет узнавать в лицо своих героев и гордиться ими. И не обижать ветеранов, как это случилось с Рождественским и ныне уже покойным Светлановым.